

*Рубен Давид
Гонсалес Гальего*

БЕЛОЕ НА ЧЕРНОМ

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

Просто буквы, буквы на потолке, на черном фоне медленно ползущие белые буквы. Они стали появляться по ночам после очередного сердечного приступа. Я мог перемещать эти буквы по потолку, складывать из них слова и предложения. Наутро оставалось только записать их в память компьютера.

Предисловие к русскому изданию

О СИЛЕ И ДОБРОТЕ

Меня иногда спрашивают, было ли то, о чем я пишу, на самом деле? Реальны ли герои моих рассказов?

Отвечаю: было, реальны; более чем реальны. Конечно, герои мои – собирательные образы бесконечного калейдоскопа моих бесконечных детских домов. Но то, о чем пишу, – правда.

Единственной особенностью моего творчества, расходящегося, а порой и противоречащего жизненной подлинности, является авторский взгляд, несколько, может быть, сентиментальный, иногда срывающийся на пафос. Я умышленно избегаю писать о плохом.

Уверен, что чернухой жизнь и литература переполнены уже слишком. Так случилось, что мне пришлось увидеть слишком много человеческой жестокости и злобы. Описывать мерзость человеческого падения и животного скотства – множить и без того бесконечную цепь взаимосвязанных

зарядов зла. Не хочу. Я пишу о добре, победе, радости и любви.

Я пишу о силе. Силе духовной и физической. Силе, которая есть в каждом из нас. Силе, пробивающей все барьеры и побеждающей. Каждый мой рассказ – рассказ о победе. Даже мальчик из немного грустного рассказа «Котлета» побеждает. Побеждает два раза. Первый, когда из беспорядочного хлама ненужных знаний он, за неимением ножа, находит три единственных слова, действующих на оппонента. Второй, когда решает есть котлеты, то есть жить.

Побеждают и те, для кого единственным победным исходом становится добровольный уход из жизни. Боевой офицер, погибающий перед лицом превосходящих сил противника, умирающий по Уставу, – победитель. Я уважаю таких людей. Но все равно главное в этом человеке – мягкие игрушки. Уверен, что всю жизнь шить мишек и зайчиков гораздо труднее, чем один раз перепилить себе горло. Убежден, детская радость от новой игрушки стоит на общечеловеческих весах гораздо больше, чем любая военная победа.

Это книга о моем детстве. Жестоком, страшном, но все-таки детстве. Чтобы сохранить в себе любовь к миру, вырасти и повзрослеть, ребенку надо совсем немного: кусок сала, бутерброд с колбасой, горсть фиников, синее небо,

пару книг и теплое человеческое слово. Этого достаточно, этого более чем достаточно.

Герои этой книги – сильные, очень сильные люди. Человеку очень часто надо быть сильным. И добрым. Позволить себе быть добрым может не каждый, не каждый способен перешагнуть барьер всеобщего непонимания. Слишком часто доброту принимают за слабость. Это грустно. Быть человеком трудно, очень трудно, но вполне возможно. Для этого не обязательно становиться на задние лапы. Совсем не обязательно. Я в это верю.

ГЕРОЙ

Я – герой. Быть героем легко. Если у тебя нет рук или ног – ты герой или покойник. Если у тебя нет родителей – надейся на свои руки и ноги. И будь героем. Если у тебя нет ни рук, ни ног, а ты к тому же ухитрился появиться на свет сиротой, – все. Ты обречен быть героем до конца своих дней. Или сдохнуть. Я герой. У меня просто нет другого выхода.

* * *

Я – маленький мальчик. Ночь. Зима. Мне надо в туалет. Звать нянечку бесполезно.

Выход один – ползти в туалет.

Для начала нужно слезть с кровати. Способ есть, я его сам придумал. Просто подползаю к краю кровати и переворачиваюсь на спину, опрокидывая свое тело на пол. Удар. Боль.

Подползаю к двери в коридор, толкаю ее головой и выползаю наружу из относительно теплой комнаты в холод и темноту.

Ночью все окна в коридоре открыты. Холодно, очень холодно. Я – голый.

Ползти далеко. Когда ползу мимо комнаты, где спят нянечки, пытаюсь позвать на помощь, стучу головой в их дверь. Никто не отзывается. Кричу. Никого. Может быть, я тихо кричу.

Пока добираюсь до туалета, замерзаю окончательно.

В туалете окна открыты, на подоконнике снег. Добираюсь до горшка. Отдыхаю. Мне обязательно надо отдохнуть перед тем, как ползти назад. Пока отдыхаю, моча в горшке покрывается ледяной коркой.

Ползу обратно. Стаскиваю зубами одеяло со своей кровати, кое-как заворачиваюсь в него и пытаюсь заснуть.

А наутро меня оденут, отвезут в школу. На уроке истории я бодро расскажу об ужасах фашистских концлагерей. Получу пятерку. У меня всегда пятерки по истории. У меня пятерки по всем предметам. Я – герой.

ШТЫК

Штык – отличная вещь, надежная. Один удар – и противник падает. Штык протыкает тело врага насквозь. Штык никогда не подводит, штык бьет наверняка. Пуля бьет наугад, пуля – дура. Пуля может пройти по касательной, пуля может застрять в теле и подло подтачивать человеческую жизнь изнутри. Штык – не пуля, штык – холодное оружие, последний осколок девятнадцатого века.

На обложке первой книги Николая Островского выдавлен штык. Слепой, парализованный писатель не мог перечитывать свою книгу сам. Все, что ему оставалось, – это снова и снова водить пальцами по контуру штыка. Самого прочного в мире штыка – штыка из бумаги.

Древние викинги – лучшие воины в мире. Бесстрашные воины, люди, сильные духом. Упавшего в бою викинга рано сбрасывать со счетов. Упавший в бою викинг в последнем порыве уходящей жизни стискивал ногу врага зубами. Медленно умирать, проклиная свою никчемную жизнь, изводя себя и близких бесконечными жалобами на неудачную судьбу, – удел слабых. Вечный гамлетовский вопрос не заботит солдата в бою. Жить в бою и умереть в бою – одно и то же. Жить вполсилы и умирать вполсилы,

понарошку, – противно и мерзко. Самое большее, на что может надеяться смертный, – умереть сражаясь. Если повезет, если очень повезет, можно умереть в полете. Умереть, зажав в руке лошадиную узду или штурвал истребителя, шашку или автомат, кузнечный молот или шахматного короля. Если в бою отрубили руку, не беда. Можно перехватить клинок другой рукой. Если упал, еще не все потеряно. Остается шанс, маленький шанс – умереть, как викинг, сжимая зубами пятку врага. Везет не каждому, не каждому дано. Гомер и Бетховен – счастливые исключения, лишь подтверждающие ничтожность шансов. Но драться надо, по-другому нельзя, по-другому – нечестно и глупо.

Я плакал над книгой. Книги, как и люди, бывают разные. Если подумать, если подумать очень сильно, комиксы – тоже книги. Красивые книги с красивыми картинками. Забавные игрушки – бумажные бабочки-однодневки, комиксы имеют огромное преимущество перед остальными книгами: над ними не плачут дети. Веселым маленьким детям нет никакой необходимости плакать над книгами. Вопрос «быть или не быть» не имеет для них никакого значения. Они же дети, всего лишь дети, им еще рано думать. Я читал книгу, читал и плакал. Плакал от бессилия и зависти. Я хотел туда, я хотел в бой, но в бой было нельзя. Мне ничего было нельзя, я привык, но все-таки

плакал. Есть книги, изменяющие взгляд на мир, книги, после которых хочется умереть или жить по-другому.

Если хочешь что-нибудь понять, нужно спрашивать у людей или у книг. Книги – тоже люди. Как и люди, книги могут помочь, как и люди, книги врут.

Я не просто так читал книги, я хотел понять, как устроен мир. Я хотел узнать, как мне жить в этом мире. Я спрашивал у людей – люди не отвечали мне. Я искал ответ в книгах – книги уходили от ответа. Книги подробно, очень подробно рассказывали, как надо жить, если у тебя есть все. Книжные герои страдали – я удивлялся. Я, живой и настоящий, не понимал их, книжных, не принимал их бумажных страданий. Они были понарошку, как учителя в школе. Учителя советовали читать книги – я читал. Читал все подряд, читал бесконечные нудные описания бессмысленных жизней слабых и ленивых людей. Учителя называли таких людей героями – я не понимал, в чем состоит их героизм.

Д'Артаньян – герой? Какой же он герой, если у него были руки и ноги? У него было все – молодость, здоровье, красота, шпага и умение фехтовать. В чем героизм? Трус и предатель, постоянно делающий глупости ради славы и денег, – герой? Я читал книгу, не понимая и половины. Все – и взрослые и дети – считали мушкетеров

героями. Я не спорил, спорить было бессмысленно. В любом случае я не мог брать пример с этих героев.

Я прочел эту толстую книгу несколько раз. Я прочел и продолжение славной истории про бравых мушкетеров. Продолжение меня не разочаровало. Несчастный урод – господин Кокнар – сделал то, что и полагалось сделать настоящему герою: умер. Умер, оставив жену и деньги Портосу. Господин Кокнар не вызывал моего сочувствия. Если бы у этого жалкого старика хватило сил и сноровки всыпать яду Портосу в вино, я был бы на его стороне. Но чудес не бывает. Несчастный калека медленно доживал свою гнусную жизнь, оттеняя своим инвалидным креслом подвиги истинных героев. Бедняга.

Другие были не лучше. Жалкие людишки, достойные презрения. Насекомые, похожие на людей лишь отчасти. Мешки с дерьмом, не годящиеся ни в рай, ни в ад. Воины, не способные ни жить, ни умереть. Лишь некоторые из них более или менее достаивались моего уважения. Например, Портос. Портос мне нравился гораздо больше, чем Кокнар. Портос, по крайней мере, смог умереть как человек.

Гуинплен – дурак, страдающий из-за пустяка. Подумаешь, обезображенное лицо. Сирано поступал чуть умнее. Если у тебя есть пара сильных рук и острая шпага, о красоте можно поспорить.

Шпага – неплохой аргумент. Впрочем, Сирано меня тоже разочаровал. Сильный в общении с мужчинами, он оказался слюнтяем и нытиком перед лицом любви.

Я завидовал Квазимодо. Люди смотрели на него с отвращением и жалостью, как на меня. Но у него были руки и ноги. У него был весь собор Парижской Богоматери.

Книжные герои не были героями или были героями лишь отчасти. Самые лучшие из них вели себя как люди время от времени, словно нехотя. Они позволяли себе жить только несколько минут перед смертью. Только перед смертью они нравились мне. Только достойная смерть примирила их с бессмысленной жизнью.

Я редко плакал над книгами. Поводов плакать у меня было вполне достаточно и без надуманного книжного горя. Но эта книга была настоящей. Эта – не врал.

Павка Корчагин скакал на лошади и владел клинком не хуже мушкетеров. Павка Корчагин был сильным и смелым парнем. Он воевал ради идеи, деньги и звания ему были ни к чему. Буденновка – жалкое подобие рыцарского шлема – не могла защитить его от подлой пули. Острый клинок был бессилен против маузера. Он знал это, но шел в бой. Шел в бой снова и снова. Снова и снова рвался в самую гущу битвы. Дрался и побеждал, всегда побеждал. Оружием и словом. Когда

отказало тело, когда рука не могла уже держать клинок, он сменил оружие, он приравнял к штыку перо. Он смог. Последний рыцарь холодного оружия. Последний викинг двадцатого века.

Что остается у человека, когда не остается почти ничего? Чем оправдать свое жалкое полусуществование полутрупа? Зачем жить? Я не знал тогда, я и сейчас не знаю. Но, как Павел Корчагин, я не хочу умирать до смерти. Я буду жить до последнего. Я буду драться. Медленно нажимая на клавиши компьютера, я ставлю букву после буквы. Я тщательно кую свой штык – свою книгу. Я знаю, что имею право только на один удар, второго шанса не будет. Я стараюсь, очень стараюсь. Я знаю: штык – это наверняка. Штык – отличная вещь, надежная.

МЕЧТЫ

Когда я был совсем маленьким, я мечтал о маме, мечтал лет до шести. Потом я понял, вернее, мне объяснили, что моя мама – черножопая сука, которая бросила меня. Мне неприятно писать такое, но мне объясняли именно в этих терминах.

Те, кто объяснял, были большие и сильные, они были правы во всем, соответственно, они были правы и в такой мелочи. Конечно, были и другие взрослые.

Они были учителями. Учителя рассказывали мне о дальних странах, о великих писателях, о том, что жизнь прекрасна и каждому найдется место на земле, если только хорошо учиться и слушаться старших. Они всегда лгали. Лгали во всем. Они рассказывали о звездах и материках, но не разрешали выходить за ворота детдома. Они говорили о равенстве всех людей, но в цирк и в кино брали только ходячих.

Не лгали только нянечки. Удивительное русское слово – «нянечки». Ласковое слово. Сразу вспоминается «выпьем, няня...» Пушкина. Обычные сельские тетки. Они не врали никогда. Иной раз они даже угощали нас конфетами. Иногда злые, иногда добрые, но всегда прямые и искренние. Часто с их слов можно было понять суть там, где от учителей добиться

вразумительного ответа было невозможно. Давая конфету, они говорили: «Бедное дите, скорее бы уж помер, ни себя, ни нас не мучил бы». Или, вынося покойника: «Ну, и слава Богу, отмучился, бедненький». Когда я, простуженный, оставался в спальном корпусе один на один с такой нянечкой и мне не надо было идти в школу, она, добрая тетя, приносила мне какую-нибудь сладость или фрукт из компота и рассказывала о погибших на фронте детях, о муже-пьянице, о куче всяких интересных вещей. Я слушал и верил всему, как верят правде дети, а может быть, только дети. Взрослые зачастую уже не могут верить ни во что. Так вот, про «черножопую суку» нянечки рассказывали мне просто и естественно, как про дождь или снег.

В шесть лет я перестал мечтать о маме. Я мечтал стать «ходячим». Ходячими были почти все. Даже те, кто еле-еле мог передвигаться на костылях. К ходячим относились гораздо лучше, чем к нам. Они были людьми. После выхода из детдома из них могли получиться нужные обществу люди – бухгалтеры, сапожники, швеи. Многие получали хорошее образование, «выбивались в люди». После выпуска из детдома они приезжали на дорогих машинах. Тогда нас собирали в большом зале, рассказывали, какую должность занимает бывший ученик нашей школы. Из рассказов выходило, что эти толстые дяди и тети

всегда слушались старших, хорошо учились и добились всего своим умом и настойчивостью. Но они были ходячими! Какого рожна я должен был выслушивать их хвастливую болтовню, если я и так знаю, что нужно делать после того, как станешь ходячим? Как стать ходячим, никто не рассказывал.

В восемь я понял одну очень простую мысль: я один и никому не нужен. Взрослые и дети думают только о себе. Конечно, я знал, что где-то на другой планете существуют мамы, папы и дедушки с бабушками. Но это было так далеко и неубедительно, что я отнес все эти бредни к области звезд и материков.

В девять я понял, что ходить никогда не смогу. Это было очень печально. Накрылись дальние страны, звезды и прочие радости. Оставалась смерть. Долгая и бесполезная.

В десять – прочитал про камикадзе. Эти brave парни несли смерть врагу. Одним беспосадочным полетом они отдавали Родине все долги за съеденный рис, за испачканные пеленки, за школьные тетради, за улыбки девочек, за солнце и звезды, за право каждый день видеть маму. Это мне подходило. Я понимал, что в самолет меня никто не посадит. Я мечтал о торпедо. Управляемой торпедо, начиненной взрывчаткой. Я мечтал тихо-тихо подкрасться к вражескому авианосцу и нажать на красную кнопку.

С тех пор прошло много лет. Я уже взрослый дядя и все понимаю. Может быть, это хорошо, а может, и не очень. Все понимающие люди часто бывают скучными и примитивными. Я не имею права желать смерти, ведь от меня зависит многое в судьбе моей семьи. Меня любят жена и дети, я тоже очень-очень их люблю. Но иногда, когда лежу ночью и не могу заснуть, я все-таки мечтаю о торпедe с красной кнопкой. Эта наивная детская мечта так и не оставила меня и, может быть, никогда не оставит.

ПРАЗДНИК

Первое воспоминание. Я один, маленький, лежу в манеже. Кричу. Никто не подходит. Кричу долго. Манеж – обычная детская кровать с высокими решетчатыми бортами. Лежу на спине, мне больно и мокро. Стенки манежа завешены сплошным белым покрывалом. Никого. Перед глазами – белый потолок; если повернуть голову, можно долго смотреть на белое покрывало. Я ору и ору. Взрослые приходят по расписанию. Когда приходят, кричат на меня, кормят, меняют пеленки. Я люблю взрослых, они меня – нет. Пусть кричат, пусть переключают на неудобную кушетку. Мне все равно. Хочется, чтобы кто-нибудь пришел. Тогда можно увидеть другие манежи, стол, стулья и окно. Это все. Потом – кладут в манеж. Когда кладут, опять ору. На меня кричат. Они не хотят брать меня на руки, я не хочу в манеж. Сколько себя помню, всегда боялся, когда оставляли одного. Одного оставляли регулярно.

Первый и самый приятный запах – смесь запахов винного перегара и духов. Иногда приходили женщины в белых халатах, брали меня на руки. Бережно брали, не как всегда. Они называли это «праздник». От них вкусно пахло алкоголем. Меня несли куда-то, приносили

в большую комнату со столом и стульями. Я сидел у кого-нибудь на коленях. Женщины передавали меня с рук на руки. Мне давали съесть что-нибудь вкусное. Но самым приятным было то, что я мог все видеть. Все вокруг. Лица людей, красивые тарелки на столах, бутылки и рюмки. Все пили вино, ели, разговаривали. Женщина, у которой я сидел на коленях, одной рукой очень бережно придерживала меня, другой проворно опрокидывала очередную порцию алкоголя, закусывала. Закуски были разные, от каждой она отщипывала маленький кусочек и клала мне в рот. Никто ни на кого не кричал. Тепло, уютно.

* * *

В детдоме пьянка. Нормальная пьянка, все прилично. Парни пьют водку, закусывают. Это старшеклассники. Быстро зашли после уроков в комнату, сели в углу, оставили кого-то «на стреме». Раскрыли консервы, выпили по кругу водки из одной кружки, наскоро закусили.

Внезапно заметили меня. Я лежал под кроватью в противоположном углу комнаты. Тело под кроватью, голова и плечи – наружу, передо мной книга. Читать, засунув ноги под кровать, очень удобно. Никто не потревожит.

– Рубен, ползи сюда.

Я откладываю книгу, ползу. Ползу медленно, но все терпеливо ждут. Подползаю.

– Водку пить будешь?

Вопрос риторический. Все понимают, что водку пить мне еще не положено. Водку пили только после двенадцати лет.

Все смеются. Смеются беззлобно, у всех хорошее настроение.

– Ладно тебе, Серега, оставь пацана в покое. Дай ему лучше похавать.

Серега, безногий парень, делает мне бутерброд из хлеба с колбасой. Чистит для меня дольки чеснока.

Парни допивают водку, прячут пустую бутылку. Закусывают. Я ем вместе со всеми. Хорошо. Всем хорошо. Праздник. Если бы не праздник, никто не заметил бы меня, тем более не стал бы делиться едой. Я – никто, салага.

После водки пьют чифир. Чифир заваривают в большой банке, медленно пьют по очереди. Мне чифир нельзя не только потому, что я еще маленький, – все знают, что у меня большое сердце.

Серега берет кружку из-под водки, быстро вскакивает на свою тележку, выезжает из комнаты. Возвращается с почти полной кружкой воды. В одной руке у него кружка, другой он бережно отталкивается от пола. Ставит кружку на пол, достает из тумбочки банку варенья и ложку.

Отливает из общей банки с чифиром немного в мою кружку, добавляет варенья. Варенье кладет не жалея.

– Вот, – говорит, – Рубен. Теперь у тебя чай с вареньем.

Парни пьют чифир, я – сладкий чай. Хорошо. Праздник.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА